

К СТОЛЕТИЮ ЧЕСЛАВА МИЛОША

ВИКТОРИЯ УШИНСКЕНЕ

Вильнюсский университет

Милош и Россия

30 июня 2011 г. Европа отметила столетие со дня рождения одного из величайших поэтов современности, лауреата Нобелевской премии Чеслава Милоша¹. Учитывая огромное значение творческих достижений поэта, “который с бесстрашным ясновидением показал незащищенность человека в мире, раздираемом конфликтами”, Польша и Литва, а также ряд других европейских стран объявили 2011 г. Годом Милоша, приурочив к нему многочисленные культурные мероприятия и новые издания.

Издательство “*Zeszyty literackie*” начало Год Милоша публикацией сборника-антологии его эссе “*Rosja. Widzenia transoceaniczne*” (*Россия. Взгляд через океан*) [далее в тексте — R]. Следует сразу же оговориться, что сам Милош книги о России не писал, однако размышления и эссе об истории и культуре этой страны, о пресловутой “русской душе” и русском национальном характере занимают в его творчестве особое место, что и вдохновило составителей — Барбару Торуньчик и Монику Вуйтак — на издание их в виде отдельного тома. Хронология текстов, вошедших в сборник, составляет более 50 лет: от публикаций 40–50-х гг. XX в. до последних интервью поэта в начале XXI в.² Именно этот факт позволил Иоанне Щенской написать в периодическом издании “*Gazeta wujborcza*”: “Вышедшая подборка, безусловно, показывает, что книгу о России Милош писал всю жизнь” [Szczęsna 2010].

Особое, в сущности, очень непростое отношение Милоша к России и ее культуре не случайно. Сам поэт неоднократно упоминал об историческом парадоксе, во многом определившем его собственную судьбу и отношение к миру: родившись в Шетейнях Ковенской губернии в семье, принадлежавшей к польско-литовскому шляхетскому роду, он автоматически стал гражданином Российской империи. Именно с Россией были связаны его первые детские впечатления, когда в возрасте всего лишь двух лет ему вместе с матерью и няней пришлось совершить

грандиозное путешествие по Транссибирской железной дороге в Красноярск, где по контракту работал его отец [RE 48]. Через год *“отца мобилизовали, он строил дороги и мосты для российской армии”*, и семья была вынуждена колесить с ним по прифронтовой полосе, *“нигде не задерживаясь дольше двух-трех месяцев”* [“Война”, RE]³. Революция застала семью Милошей под Ржевом. Вспоминая об этом времени много лет спустя, уже в эмиграции, поэт писал: *“Возникают новые линии раздела между людьми. Немаловажно деление на тех, кто знает Россию, и тех, кто ее не знает: разнится их глубинное, порой трудно определенное отношение к одним и тем же явлениям жизни. Знание это вовсе не обязательно осознанное. Поразительно, до какой степени дух той или иной страны может проникнуть в ребенка”* [“Десять дней, которые потрясли мир”, там же].

Эти детские, еще подсознательные впечатления во многом определили космополитизм будущего поэта-философа, его особое, многомерное понимание истории и культуры: *“Такое отсутствие оседлости, подсознательное ощущение, что все временно, входит, как мне кажется, в уравнения, составляемые в зрелом возрасте, и может быть причиной пренебрежительного отношения к государствам и строям. История становится текучей, обретает характер непрерывного странствования”* [там же].

Постоянно слыша вокруг себя русскую речь, мальчик уже в раннем детстве научился говорить по-русски, еще не осознавая своего билингвизма. В доме Милошей русский был языком юмора, поскольку *“его волнующе-брутальные оттенки никакому переводу не поддавались”* [R 28]. По признанию самого поэта, *“знание русского языка осталось навсегда, и потом никогда не было нужды специально его учить”* [RE 48]. Правда, однажды, в конце Второй мировой, знание русского едва не закончилось для Милоша трагически: вооруженные советские солдаты чуть было не обвинили его в шпионаже: *“Откуда ты знаешь русский? Шпион!”* [R 44].

Сознательное отношение к феномену российской культуры начало формироваться у Милоша в студенческие годы под влиянием профессора, ректора Университета Стефана Батория⁴ Мариана Здеховского, пробудившего в юном литераторе интерес к русской теософии, в частности — к идее *богоискательства* [R 255–262]. Впрочем, осознание того, насколько лекции Здеховского повлияли на понимание Милошем различий между православием и католицизмом, по признанию самого поэта, пришло гораздо позже, с обретением собственного опыта. В интервью и текстах разного времени Милош неоднократно подчеркивал,

что его отношение к миру в значительной мере сформировалось под влиянием русских религиозных философов, труды которых он анализирует в контексте европейского философского дискурса: Льва Шестова сопоставляет с Камю и с Симоной Вейль, Сергея Булгакова — со Станиславом Винценсом, Достоевского — со Сведенборгом. В то же время отношение Милоша к российской культуре всегда было очень неоднозначно. Много раз он отмечал, что любит *“русских и их язык, но не любит Российской империи”* (как в старом, так и в новом ее обличе). *“Глубина” русской литературы всегда казалась мне подозрительной,* — писал поэт. — *Не слишком ли велика ее цена? Разве, выбирая из двух зол, мы бы не предпочли что-нибудь “попроще”, будь за этим как надо отстроенные дома, сытые и ухоженные люди? И чего стоит мощь, если всегдашний ее источник — опять лишь столичная власть, а тем временем в забытом Богом провинциальном городке снова и снова разыгрывается сюжет гоголевского “Ревизора”?* [R 34] В приложении к эссе *“Россия”* Милош приводит цитаты из дневников современника Мицкевича маркиза де Кюстина, чьи обличительные высказывания по поводу российской действительности полностью совпадали с мнением радикально настроенной польской интеллигенции [R 36–41].

Милоша всегда настораживала, если не пугала, трагическая двойственность русской национальной идеи, замешенной на яде *“гегелевского укуса”* (*“ukąszenie heglowskie”*) в сочетании с традициями православия: любовь ко всему живому уживается в русском человеке с беспрекословным подчинением воле Божией, судьбе или государству, приводя порой к самым страшным и низким поступкам, мотивированным якобы высокой целью. Отказ от прав и свободы личности во имя *“общего блага”*, слепая вера в фатум, в исторический детерминизм (которую в юности исповедовал сам поэт), по его словам, отравила не одну душу и не одно государство: *“Думаю, что в польской культуре лучше всего опасность Востока понимают люди, которые пережили Восток в себе, люди, для которых слова “русская психика” не являются пустым звуком [...] Чтобы быть наделенным интуицией “русскости”, следует заплатить немалую цену: надо хотя бы частично поддаться ее искушениям”* [R 255–256]. Типичной жертвой гегелевского детерминизма, по мнению Милоша, был Виссарион Белинский, эссе о котором (*“Белинский и единорог”*), опубликованное впервые еще в 1955 г., вошло в антологию о России [R 187–201].

История Белинского, с точки зрения Милоша, отражает весь драматизм духовных исканий русской интеллигенции XIX в., с поразительной легкостью и энтузиазмом принимающей новые западные веяния, в

частности, идею *исторической необходимости*, что приводит к возникновению так наз. Новой Веры, а в конечном итоге — к власти Ленина и Сталина в веке XX-ом. “Духовная беспочвенность русской интеллигенции стремилась найти компенсацию в обожествлении человечества, — пишет Милош в эссе “*Science fiction и пришествие Антихриста*”, посвященном Владимиру Соловьеву. — Отсюда ее непомерные этические требования, обращенные [...] к социальной среде, якобы ответственной за искажение доброй человеческой природы” [R 214]. Впрочем, противоядие против “гегелевского укуса” возникает также на русской почве. Яркими противниками идеи детерминизма были философы к. XIX–нач. XX вв. Лев Шестов и Василий Розанов, утверждавшие, что даже перед лицом исторической необходимости, в какой бы форме она ни выражалась, индивидуум имеет право на свое маленькое счастье. С точки зрения Шестова, жизнь, которую нельзя сводить к абстрактным схемам, общим правилам и рекомендациям, прекрасна во всех ее проявлениях. Западная философия, ставящая “Общее выше Частного”, тем самым демонстрирует свою несостоятельность, поскольку ее последователи всегда готовы пожертвовать человеческой жизнью во имя общего блага (см. эссе “*Упрямый враг змия*” [R 247]). В этом оба философа сходились с Федором Достоевским, изучению творчества которого Милош посвятил более сорока лет. Именно Достоевский стал главным героем первого тома антологии о России.

Тема Достоевского появляется в прозе Милоша в 30–40 гг., в семидесятых он даже задумывался о написании книги о великом писателе, однако не осуществил этого проекта [R 144]. Именно Достоевский составил главное направление лекций Милоша по русской литературе во время работы в Калифорнийском университете (став по сути основным источником его заработка). И этот выбор, по-видимому, неслучаен. Более того: в ряде интервью Милош упоминал, что если бы ему предложили вести курс по Толстому, он бы, скорее всего, отказался. Что же так привлекало Милоша, с его судьбой и взглядами космополита, в Достоевском, известном своим радикальным национализмом и ксенофобией, не жаловавшим не только евреев, но и поляков (несмотря на то, что его предки, как и предки Милоша, происходили из шляхты Великого княжества Литовского)? Словно пытаясь самому себе ответить на этот вопрос, Милош ссылается на специфику исторических взаимоотношений польского и русского народов: “...поляки и русские ... испытывают друг к другу самые разные неприязненные чувства, от презрения до ненависти, что, впрочем, не исключает какой-то непонятной взаимной тяги, всегда тем не менее, окрашенной недоверием. ... Полякам, не исключая,

известно о русских то, о чем те и сами подозревают, но не хотят себе в этом признаться, — и наоборот. Поэтому неприязнь к полякам у националиста Достоевского — что-то вроде самообороны” [R 19].

Сомнительные политические взгляды Достоевского происходили, по мнению Милоша, из его опасений за будущее России, несчастья которой он предчувствовал, в то же время веруя, что именно она должна стать спасительницей мира. Другая причина, метафизического свойства, крылась в его гностицизме и страстной приверженности православию, лежавших в основе его мистических пророчеств. По Милошу, Достоевский становится пророком не вопреки своим мессианским представлениям о России, а именно благодаря им.

К тому же мессианство — хроническая болезнь не только России, но и Польши, замечает Милош, проводя параллель между Достоевским и Мицкевичем: во взглядах обоих стерта граница между религией и национальной идеей, а потому их обоих можно назвать еретиками [R 91–98]. Острое соперничество Польши и России в XVI–XVII вв. привело к сомнительным стереотипам, представляющим Россию как обитель зла и тьмы, а Польшу как предвестницу света. Милош допускает, что польское мессианство, возможно, менее предосудительно, нежели русское, поскольку оно обычно носило ответный характер, однако и по отношению к нему действует та же максима: *доктрины, являющиеся не чем иным, как магией, магией следует и называть* [там же]. “Достоевский служит Милошу поводом — больше того, архимедовой точкой опоры, — чтобы подняться на умственные высоты, выше шаблонов и предрассудков, общепринятых взглядов на Россию. А заодно — и на Польшу.” [Помяновский 2011].

В отличие от многих, Милош не рассматривает Достоевского как “великого психолога”, поскольку тот, по его мнению, вскрывает проблемы куда как более серьезные, обнажая *болезни духа, а не души* [R 171–179]. Отличаясь особой чувствительностью и непримиримостью ко всякого рода угнетению и несправедливости, он не обходит проблему Зла, но, словно зачарованный, возвращается к ней снова и снова, стараясь обнажить Зло и предостеречь от него. В этом позиция Достоевского, с его бессмертным “высшая гармония ... не стоит слезинки хотя бы одного ... замученного ребенка”, близка позиции самого Милоша. Импонирует Милошу и то, что, будучи страстным проповедником идей христианства, Достоевский все же признавал право на свободу совести и отвергал исторический детерминизм. В то же время Милоша (вслед за Бердяевым) раздражает “ложная чувствительность” и наивность Достоевского, изобразившего идеальную общину новых христиан в эпилоге

“Братьев Карамазовых”. В известном высказывании писателя о том, что если бы пришлось выбирать между Христом и истиной, он выбрал бы Христа, Милош усматривает некую фальшь: бог, противопоставленный истине, превращается в иллюзию [R 128].

Милош одним из первых обратил внимание на влияние на Достоевского идей Эммануила Сведенборга, взгляды которого также привлекали внимание поэта. Достоевский, как и Сведенберг, являлся критиком научного агностицизма, получившего в XIX веке широкое распространение на Западе. Однако там, в силу исторически сложившейся толерантности общества, конфликт между наукой и религией не вызвал каких-либо серьезных социальных всплесков, в отличие от России, где последствия стремительного развития агностицизма, во многом предсказанные гением Достоевского, были ужасны. Виновниками грядущей катастрофы, передовой стражей Апокалипсиса Достоевский считал русскую интеллигенцию: в России как раз шел процесс Нечаева. Во время этого процесса он писал “Бесов”, решив бить тревогу, чтобы уберечь от любых перемен деспотический строй России — ее опору и надежду, с его точки зрения.

Эссе “Бесы” Милош начинает рассказом о том, как однажды в студенческом городке его остановил студент и рассказал, что чтение “Бесов” переменяло его жизнь, *“потому что это так, как если бы Достоевский описывал сегодняшнюю Америку”* [R 132]. Когда же они встретились снова, студент уже занимался распространением коммунистических листовок. Каким образом, недоумевает Милош, роман, который был написан как предостережение от революции, может “убедить кого-то в ее благодеяниях”? И дает ответ, важный как для читателей, так и для него самого: благодаря “Бесам” студента осенило, что существуют всеобщие законы, управляющие историей, что будущее предрешено и надо только ускорить бег времени, пусть даже насильственно. Если это не удалось сто лет назад в маленьком российском городке, то виновато славянское разгильдяйство, молодые американцы сделают это лучше.

“Заразительность” идей, страсть и сила убеждения Достоевского смущали Милоша. Вероятно, поэтому на вопрос, почему он так и не написал книгу о Достоевском, Милош отвечал: это была бы книга о “недоверии, без которой можно обойтись”. Возможно, по той же причине он сам не собрал воедино всех своих текстов, так или иначе затрагивающих тему России. Милош полагает, что Запад, несмотря на все его проблемы — обострившиеся в последнее время кризис веры и духовности, поверхностность мышления, гипертрофированное потребительство — справится с “ядом гегелевского укуса” и не поддастся злему очарованию “Бесов”. Противостоять этому должны здравый ра-

зум, душевная уравновешенность и исторически сложившаяся традиция “нейтрализации идеологического яда”. Впрочем, Милош никогда не предлагает “однозначных диагнозов и окончательных решений”, предоставляя читателям возможность самостоятельно задуматься над будущим нашей цивилизации. Это как раз та задача, решать которую мы должны непрерывно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чеслав Милош родился в 1911 г. в Литве (местечко Шетейне), в Российской империи. Юрист по образованию, в молодости придерживался левых политических взглядов. Участник польского Сопротивления во время Второй мировой войны. В послевоенный период работал польским атташе по культуре в Нью-Йорке и Париже, в 1951 г. попросил политического убежища во Франции. Сотрудничал с журналом польской эмиграции “*Культура*” под редакцией Ежи Гедройца. С 1960 г. работал в университете Беркли, Калифорния. Автор исследований о тоталитаризме и коммунизме в Европе, статей о Достоевском. Нобелевской премией награжден в 1980 г. В социалистической Польше и в Советском Союзе произведения Милоша находились под запретом. После распада социалистического блока Милош был встречен на родине как герой, получил государственные награды.

² Самое раннее эссе, вошедшее в антологию, посвящено М. Здеховскому и датируется 1943 г.; остальные перепечатаны в основном из *Zniewolony umysł (Порабощенный разум)*, *Rodzinna Europa (Родная Европа)* и старых номеров парижский “*Культуры*”.

³ Перевод с польского К. Старосельской. Цит. по: Чеслав Милош. *Родная Европа* (Главы из книги.), *Иностранная литература*, 1999, № 2. Доступ в Интернете: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/2/milosz.html>. (10.11.2011).

В остальных случаях перевод мой.

⁴ Ныне Вильнюсский университет.

ЛИТЕРАТУРА

Милош Ч., 1999: *Родная Европа* (Главы из книги. Перевод с польского К. Старосельской), *Иностранная литература*, № 2. Доступ в Интернете: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/2/milosz.html> (10.11.2011).

Помяновский Е., 2011: Милош и бесы, *Новая Польша*, 2. Доступ в Интернете: <http://www.novopol.ru/index.php?id=1441> (10.11.2011).

Miłosz Cz., 1999: *Zniewolony umysł*. Kraków.

R = Miłosz Cz., 2010: *Rosja. Widzenia transoceaniczne. T. I. Dostojewski — nasz współczesny*. Wyb. Barbara Toruńczyk i Monika Wójciak. Wstęp Clare Cavanagh. Warszawa.

RE = Miłosz Cz., 1998: *Rodzinna Europa*. Warszawa.

Szczęsna J., 2010: Czesław Miłosz, Rosja. Widzenia transoceaniczne, *Gazeta Wyborcza*, 06-12-2010. Доступ в Интернете: [http://wyborcza.pl/1,76842,8763558, Rosja__Widzenia_transoceaniczne__Milosz__Czeslaw.html](http://wyborcza.pl/1,76842,8763558,Rosja__Widzenia_transoceaniczne__Milosz__Czeslaw.html) (10.11. 2011).

E-mail: viktoriya.usinskiene@gmail.com

Октябрь 2011 г.

VIKTORIJA UŠINSKIENĖ

Milosz and Russia

The article presents the writer's views on Russia found in his key pieces, such as *Russia. A trans-oceanic point of view*, *Family Europe* and some others. Milosz takes on ideas that shaped Russian culture as uniquely expressed in the literary, philosophic and religious thinking of the late 19th–20th century.

The person of F.Dostoyevsky is in focus of Milosz investigations.